

сергей кулаков

Путь странника

сборник стихов

16+

Сергей Кулаков

Путь странника

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кулаков С. А.

Путь странника / С. А. Кулаков — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Сборник стихов, в котором с помощью поэзии ведется разговор на философские и религиозные вопросы, которые заботят, наверное, каждого. Путь человека – путь странника. Откуда лежит он, куда ведет, Через что пролегает путь этот? Человек ли избирает дорогу Или Сам Господь даёт её нам? Уклонившись от одного пути, Мы попадаем в русло иного, Который влечет нас за собой. Куда приведёт он странника?

© Кулаков С. А., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Слово	5
до Рождества...	6
Звезда Рождества	8
Имя	10
Триптих Архангелу Михаилу	13
У Иавока	17
Иов – друзьям	18
Чудо Георгия	19
Другое я	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Слово

«И жил Авраам... как странник, дни многие»

(Книга Бытия 21:34)

* * *

Тот, Кто вне времен, пространств и тленья,

В числах не испытывал нужды.

Не числом, а Духа измереньем.

Выводил Он меру красоты.

Божий Дух где хочет, там и дышит,

Что захочет Слово – то творит.

Первый день: земля безвидна, выше –

Тьма, и свет над этой тьмой парит...

до Рождества...

Снег выпал на поля,

но я

был не в полях тогда.

Вода

летела, вниз плыла,

была

белым-бела она.

Со дна

небес кружились вниз,

в наш мир,

снега, а здесь глядим

мы им

навстречу – снизу вверх.

Теперь

повсюду тьма и смерть,

и нет

звезд и созвездий там –

пуста

вселенная моя.

Земля

белеет, и огни –

как нимб –

над ней зажглись. О, да!

Звезда

от всех сторон земли –

смотри –

видна... До Рождества –

дня два.

Звезда Рождества

Чудо свершилось. Звезда Рождества
С тайны сняла недоступности полог.
Вышли, уставшие от колдовства:
Маг-чародей, звездочет и астролог,
И за знаменiem Божьим – звездой –
Трое волхвов из пределов востока
Долго брели, и вели за собой
Осликов трех по сугробам глубоким.
Скрип под ногами, то пласт снеговой
Тихо приветствует трех чужестранцев.
Вот это место! Над их головой
Стала звезда, освещающая пространство,
Осликов и мудрецов, и дома...
Старцы в свои завернулись накидки,
Холодно было – стояла зима,
И мудрецы постучали в калитку.
«Кто там?» «Пустите посланников Бога,
Путь наш лежит из неблизкой земли».
Женщина им отвечала с порога:
«Что ж вы, входите». И старцы вошли
В дом, под звездой своего Господина;
Сняли накидки, и в свете свечи
Долго смотрели на божьего сына,

Спавшего в люльке у теплой печи...
Топятся печи в канун Рождества,
Садится хлеб, и готовятся яства;
В ночь появления младенца Христа
В церкви спешит богомольная паства.
Тучный священник молитву поет,
Все ей внимают, и плавно, как пенье,
Падает снег; вековое вранье
Вновь искупается чудом Рожденья.

Имя

Притихшая Таврида спит устало.
Журчат цикад недремлющих свирели...
На склонах, налепившись, как попало,
Селенья спят, как дети в колыбелях.
Одни лишь мы не спим, и так неспешно,
К безмолвным прикасаньям привыкая,
Летим во тьме бездонной и кромешной,
По-птичьи именами окликаясь.
К нам – точно кожа – имя прикипело,
И тесно с ним душа переплелась,
А помнишь время, как оно несмело,
Издалека едва касалось нас?
И, как пугаясь маленького тела,
Порой оно пыталось улизнуть,
Но вслед летели звуки неумело,
Чтоб имя дикое к себе вернуть;
Как вместе мы росли, как привыкали,
Как друг на друга злились, и опять
Мы с именем единым сплавом стали,
Который не разрушить, не разъять.
Пусть смертна плоть, но имена живучи,
И образ наш хранят лишь имена;
Мы, именем обернуты певучим,

В грядущие уходим времена...
А здесь, средь диких скал и древних пиний,
Рождения подходит жданный час,
И человека пеленают в имя,
Как пеленали именами нас.
* * *
Темнеет, и ветер гоняет снежок,
И гнет у деревьев вершины.
Уже замело за оврагом лужок,
И дальше – поля и долины.
А в комнате тихо и нет ни души,
А вьюга свистит за окошком,
И мальчик не спит, и в кроватке лежит,
И страшно малютке немножко.
Он верит, как в детстве лишь верить дано,
В волшебные все небылицы,
И думает, что в темноте за окном
Нечистая сила резвится.
Он думает, что это бесы визжат,
Хохочут, и воют, и дуют;
И крестик покрепче в ладошке зажал,
И шепчет молитву простую.
Но утром развеются все миражи,
Ночные рассыплются страхи,
Когда он к окну босиком подбежит
В ночной своей, теплой рубахе.

Там, за окошком – бела и чиста –
Земля в своем новом уборе,
Станет под утренним солнцем блистать:
Застывшим заснеженным морем.
* * *
Ребенок к уху Книгу приложил.
Так бережно держал, так осторожно,
Когда ему сказали, что внутри
Незримо обитает Слово Божье.
Как раковину из глубин морских,
Он испытует любопытным слухом
Тяжелый том. Что там, в глубинах сих,
Расслышит он неискушенным ухом?
И, фолиант на место положив,
Сказал ребенок, обращаясь к старшим
(Что он услышал, если вдруг спросил?):
«А там, внутри, Ему совсем не страшно?»

Триптих Архангелу Михаилу

1(мгновение перед битвой)

Прекрасный ангел, утренней зарницей

Тебя Господь когда-то называл;

Но, как случилось, светлый мой Денница,

Что в одночасье ты пред Богом пал?

Ты был мне братом, как и те... Из света

Нас сотворил когда-то Элохим.

Но – «кто как Бог?» – воззвал я и ответа

Не нужно мне! Перед лицом твоим,

Оплавленным проказою гордыни,

Стоял я с пламенеющим мечом –

Уже не будет ничего отныне,

Как прежде было! Больше ни о чем

Я не спрошу, отверженный Денница,

Тебя и тех, кто отошел от нас!

Как Божья благодать на вас дымиться,

Как Дух Господень выжигает вас!

Ужасна кара: огненное Слово

Преобразило – жуткая печать –

Весь облик ваш. Как длань Его сурова!

Все замерло... Лишь острие меча

Колышется едва передо мною,

И я – как песню – Господу пропел

Девиз мой древний, призывая к бою
Своих собратий светлых: «Ми ка эл!»
2(битва кончилась)
Пеплом спадали с небес
Бывшие друзья
Вниз. Все вы теперь бесы,
Дьявола слуги.
Помните? Прежде, сыны
Светлые были...
Как же стремительно вниз
Вас уронили!
С горних, прекрасных высот –
В юдоль из праха;
Вниз – через весь небосвод –
Прямо с размаха
Падала бывшая треть
Ангелов бывших.
Как же ужасно смотреть:
Тыщи и тыщи...
Став там – горе, на карниз –
Птичьей стаей;
Вслед вам, заброшенным вниз,
Молча взираем.
В руке пламенеет меч,
Лики – суровы;

Из-за голов и плеч –
Очи Отцовы.
З(Михаил и Иисус)
Богу хвала вовек и Его Духу!
Как и сказал Господь: иди
Чрез Иордан – пройдешь, аки посуху.
Наконец равнин посреди!
Позади – пустыни сорокалетье;
Иерихон перед нами.
Вышли мы из песков бывшие дети
Исхода и, точно зная,
Завета ковчег несем пред собою.
Пусть сердце врагов слабеет!
Мы племя Божие – Он нам откроет
Города этого двери.
Крепкий Иерихон, в страхе закрытый,
Лагерем вокруг обойдет
Израиля стан голодный, ты – сытый;
Посмотрим, кто кого дожмет.
Вышел – взглянул – вижу: вот человеке,
Взирает на город рядом,
С холма; вечереет, в руке его меч
Блится, и сам он – взглядом.
«Кто ты есть? Наш или от вражеской силы?»

«Нет, Иисус, нет. Я – Господня

Воинства вождь, архистратиг Михаил;

Вот, к тебе пришел сегодня.

С колен восстань, и обувь свою сними –

Свято место, где я стою;

Слушай ты и Божьему Слову внимли:

«Город сей – тебе отдаю!»

У Иавока

В многоголосье блеющего стада
Пастух Иаков звездной ночью брел.
Большой Вселенной темная громада
Нависла хмуро, влажным оком вол
Водил испуганно, ягненок блеял;
Так много звезд, и тесно в темноте им.
Дары для брата, жен, своих сынов –
Всех перевел он через Иавок;
Хоть было время отдыха и снов.
Вот, он один и впереди – поток,
А времени так много до зари,
И в воздухе скользят нетопыри...
А эта встреча так неотвратима!
И мыслям – точно звездам – в голове
Так тесно, и уже Носящий имя
Чудное близко, а Иаков не
Ведает, что каждое мгновенье
Теперь влечет его к благословенью.

Иов – друзьям

Пусть будет хлебом мне тоска,

Питьем – одно лишь горе;

Нуждою, вместо пояса

Я затанусь, но вторить

За вами не желаю я,

Что Бог меня покинул,

Мои презренные друзья,

Разящие и спину,

И грудь, и печень, и живот –

Всего, всего! Проказа,

Пусть заживо меня сожрет,

Но, ни единой фразы,

Я не желаю повторить

Из ваших словопрений:

Царю несчастному – цари

Лукавств и обольщений.

Чудо Георгия

Конь боевой хрипит, дрожит, бьет копытом;

Чует сердцем своим: скоро будет битва!

Всадник крепко сидит в седле, сам – спокоен;

Знает, что битва будет, Георгий-воин.

Бронь на нем, меч и копье. Божьим знаменьем

Себя он покрыл и коня, Кто-то сенью

Его незримой накрыл – крепче кольчуги.

Станут враги здесь скоро: друг против друга!

Вон, наружу ползет тварь из водной глади,

Все убивает вокруг дыханьем смрадным

Больше глядеть не будет злым своим оком!

Выдохнул – смрад, а вдохнул копье глубоко.

Другое я

жене.

Когда сомнений тихая змея,

Как в сад Эдема, внутрь меня вползает,

Отличие есть ли между «ты» и «я» –

Или же нет? – порою я не знаю.

В дни ветхие, наш праотец Адам,

Восстав от сна, смотрел завороченный –

Как в зеркало – в нее, и видел там

Не отражение, но – свою икону.

И Ева в его образе себя

Отчетливо и живо узнавала;

Еще не «ты», пока – «другое я»

Для тех двоих тогда существовало.

Прошу тебя, постой, не уходи,

Побудь еще, прекрасное мгновенье!

Все будет после: грех и липкий стыд,

И долгое, сплошное искупленье...

Все будет после, а сейчас они

Так счастливы и так неосторожны...

Шуршит змея... Пока никто из них

Не рвал плода и не сквернился ложью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.